

Утёс Десяти Тысяч Чжанов

— Цзи Гуаньци! Хватит бежать! Весь орден Сюаньтянь закрыт защитным барьером, а твой жетон Сюаньтянь уничтожен. Тебе не уйти!

Голос, прокатившийся над ущельем, заставил бегущего впереди практика в белых одеждах на мгновение замереть. Цзи Гуаньци чисто инстинктивно вскинул клинок, блокируя выпад возникшего из засады врага, и тут же крутанулся на пятке, уходя от второго лезвия.

И всё же истерзанное ранами тело подвело его: реакция оказалась чуть медленнее обычной. Острая сталь скользнула по предплечью, и белая ткань мгновенно пропиталась кровью. Цзи Гуаньци отпрянул на добрый десяток шагов назад, тяжело дыша и вглядываясь в нападавших.

— Парные Клинки... — прохрипел Цзи Гуаньци.

В его голосе сквозила горькая, удушливая усмешка. Непонятно было, над кем он насмехался больше — над владельцем этого оружия или над собственной глупостью.

Промедление стоило дорого. Стоило ему рвануться дальше, как за спиной раздался хищный свист. Из лесной чащи вылетела стрела и с хрустом пробила плечо насквозь. Цзи Гуаньци качнулся, изо рта брызнула кровь. Теряя равновесие, он из последних сил вогнал свой меч в каменистую почву, чтобы не рухнуть в бездну.

С трудом подняв голову, он увидел приближающегося юношу. Тот стремительно скользил по верхушкам деревьев, держа в руках Лук, Преследующий Луну.

Парные Клинки, Лук, Преследующий Луну... Никто во всем мире не знал эти артефакты лучше Цзи Гуаньци. Ведь они принадлежали его младшим соученикам — тем самым, кого он считал названными братьями. А теперь эти двое вели на него охоту, одержимые жаждой крови.

Его белое одеяние превратилось в багровое рубище. Позади, всего в шаге, разверзлась бездна Утёса Десяти Тысяч Чжанов. Идти больше было некуда. Он стоял на самом краю, прижатый спиной к пустоте.

— Цзи Гуаньци, отдай противоядие от ядовитых гу, — холодно и безжалостно произнес Сяо Танцин, его второй шиди, крепче сжимая Парные Клинки. — И я, так и быть, сохраню тебе жизнь.

— Цзи Гуаньци, подлый ты выродок! — выплюнул третий шиди, Цяо Ю, презрительно оглядывая израненного, шатающегося старшего брата. — Отравить младшего шиди... Да Си Яо до последнего умолял пощадить тебя! Как у такого змеиноного отродья только поднялась рука?! Ты недостойн бессмертного пути, недостойн зваться нашим старшим братом! Ничтожество.

Цзи Гуаньци едва держался на ногах. Пальцы, сжимающие рукоять Меча Благородного Мужа, мелко дрожали, горячая кровь струилась по запястью, окрашивая лезвие в алый цвет. И всё же взгляд его оставался ясным и твердым. Встретившись глазами с преследователями, он произнес, отчеканивая каждое слово:

— Если захотите оклеветать человека, предлог всегда найдется. Повторяю в первый и последний раз: я никогда не предавал орден. Не крал священные реликвии и не причинял вреда соученикам. А обвинения в отравлении младшего брата — чистой воды бред.

— Враньё! — взревел Цяо Ю. Сама мысль о том, что кто-то смеет порочить его хрупкого, чистого и добросердечного младшего брата, приводила его в ярость. — Стал бы Си Яо рисковать собственной жизнью только ради того, чтобы оговорить тебя?!

Сяо Танцин лишь сильнее нахмурился, и в его глазах, устремленных на Цзи Гуаньци, вспыхнула откровенная жажда убийства.

— Какая нелепость... — тихо прошептал Цзи Гуаньци.

Подобные обвинения он выслушивал уже не раз. Он опустил голову, его окровавленные губы дрогнули в безумной улыбке, а затем он запрокинул лицо к небу и безудержно, громко расхохотался:

— До чего же это смешно! Господи, до чего нелепо!

Эти двое выросли на его глазах. Он лично заботился о них, учил держать оружие, залечивал их раны — а теперь именно они жаждали его смерти сильнее всех на свете. И никакие слова, никакие оправдания уже не могли рассеять этот слепой гнев.

Цзи Гуаньци крепче перехватил Меч Благородного Мужа и расправил плечи. Голос его, лишенный прежней мягкости, зазвучал подобно треску ломающегося льда:

— С этой секунды все узы между нами разорваны. Отныне и навек, жив я буду или мертв, Цзи Гуаньци не имеет к вам никакого отношения. Ну же, нападайте!

Истерзанный ранами, он стоял с гордо поднятой головой, готовый принять последний бой и умереть. Но вдруг из глубокой расселины под утесом донесся пронзительный, чистый клеткот. Цзи Гуаньци вздрогнул, в его глазах промелькнуло изумление:

— Синий Луань!..

Не успело имя сорваться с его губ, как из клубящегося тумана бездны взмыла величественная лазурная птица. Цзи Гуаньци мгновенно понял её намерение. Развернувшись, он парой яростных взмахов отразил наседающие клинки преследователей, сделал шаг назад и без

колебаний ринулся в пропасть. Поймав воздушный поток, он оседлал Синего Луаня и устремился прямо к сияющим барьерам Великого Защитного Барьера Ордена, надеясь вырваться на свободу.

— Живой... А я-то думал, они и тебя прирезали, — Цзи Гуаньци ласково похлопал верного зверя по шее и хрипло рассмеялся: — Лети! В этом проклятом ордене Сюаньтянь мне больше нечего делать. Затворничество мастера вот-вот должно завершиться. Мы найдем его. В целом свете лишь он один знает, какой я на самом деле!

Он был уверен, что преследователи давно истребили его духовных зверей, но эта верная глупая птица выжила и пришла на помощь в самый отчаянный миг. Цзи Гуаньци стиснул зубы, чувствуя, как удушливая боль отступает перед обретенной надеждой:

— Всё кончено. Мой долг перед ними выплачен сполна!

Синий Луань издал согласный, торжествующий крик и, мощно взмахнув крыльями, ринулся на штурм мерцающих рун Великого Защитного Барьера Ордена.

Но стоило им приблизиться к самой границе барьера, как Цзи Гуаньци резко выпрямился. Спину обдало леденящим предчувствием опасности. Он обернулся и в то же мгновение всё понял. Не раздумывая ни секунды, он с силой пнул Синего Луаня в бок. Птица, не ожидавшая предательства от хозяина, кувыркнулась в воздухе и улетела в сторону, избежав смертоносного удара. Сам же Цзи Гуаньци едва успел вскинуть руки. Он даже не успел обнажить клинок, как его накрыла ослепительная вспышка. Из небесной выси с рокочущим громом обрушилась Расписная алебарда, уравнивающая небеса. Знакомое до боли оружие с хрустом пробило его грудную клетку и на огромной скорости увлекло за собой, намертво пригвоздив к каменной стене ущелья.

Грохот удара разорвал тишину гор. Каменная крошка и пыль брызнули во все стороны. По отвесной скале Утёса Десяти Тысяч Чжанов побежали глубокие трещины, сплетаясь в жуткую паутину, в центре которой, истекая кровью, висел Цзи Гуаньци. Расписная алебарда насквозь пронзила его тело, уходя глубоко в породу.

Кровь хлестала из раны, окрашивая серый гранит в багровые тона. Цзи Гуаньци, цепенея от шока, неотрывно смотрел на торчащее из его груди древко божественного оружия. Разум отказывался верить в происходящее.

— Учитель... — прошептал он, и изо рта его хлынул поток темной крови.

Он дрожащей рукой потянулся к алебарде, пытаясь коснуться знакомых узоров, но пальцы бессильно соскользнули. Силы стремительно покидали его.

— Отдай противоядие, — раздался ровный, леденящий душу голос.

Бессмертный почтенный Чжэньнань медленно спускался с небес, ступая по воздуху, словно по невидимым ступеням. Ветер трепал полы его белоснежного одеяния. В его красивом лице не было ни капли тепла — лишь бесконечное, бездушное равнодушие к участи своего первого ученика.

— Неужели... неужели и вы верите, что это я его отравил? — помертвевшие губы Цзи Гуаньци едва шевелились. — Мастер...

— Си Яо пришел в себя. Он сам назвал твое имя. Больше некому, — бесстрастно ответил У Синбай. В его словах сквозила слепая уверенность в невинности своего любимца. — Отдай противоядие, и я сохраню тебе жизнь.

Над бездной повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра. Тело Цзи Гуаньци было полностью залито кровью. С таким ранением груди даже в случае чудесного спасения он навсегда остался бы калек, лишенным возможности совершенствоваться.

Он долго, не отрываясь, смотрел в глаза своему учителю. В этом взгляде угасали последние крохи надежды. Наконец он тихо произнес:

— Вот, значит, как... Вы тоже мне не верите.

В глубине глаз Бессмертного почтенного Чжэньнаня на долю секунды что-то дрогнуло, но лицо осталось бесстрастной маской. Он повторил, чеканя слова:

— Отдай противоядие, и я пощажу тебя.

— Не нужно... — Цзи Гуаньци через силу поднял руки и вцепился в пронзившее его древко.

Грудь вздымалась с хрипом, изо рта безостановочно текла кровь. И всё же он умудрился слабо, победно улыбнуться. От этого выражения лица у У Синбая болезненно сжалось сердце, оставив липкое, нехорошее предчувствие.

— Наша сегодняшняя встреча — последняя, — прохрипел Цзи Гуаньци, захлебываясь кровью. — Но то, чего я не совершал... я не признаю. Никогда. Даже если небо рухнет на землю! Слышите?! Не признаю!

Он судорожно сжал Расписную алебарду в последний раз, а затем его пальцы бессильно разжались. Голова тяжело упала на грудь. Темная кровь струилась по истерзанному телу, стекая на серый камень утеса длинными багровыми ручьями.

Сердце У Синбая пропустило удар.

Стоило ему сделать шаг вперед, как позади раздался полный невыразимой скорби крик Синего Луаня. В ту же секунду Меч Благородного Мужа, связанный с самой душой Цзи Гуаньци, с оглушительным звоном разлетелся на тысячи мелких осколков, мгновенно утратив духовную силу.

Уничтожение оружия, связанного узами души, означало лишь одно: хозяин мертв, а его земной путь завершен.

Но Цзи Гуаньци пошел дальше. Он не просто принял смерть — он собственноручно разорвал на куски собственную душу, лишив себя шанса на перерождение. Он ушел в небытие, уничтожив себя без остатка.

<http://bllate.org/book/20080/1994980>